С. Н. Стебницкий

ОЧЕРКИ ЭТНОГРАФИИ КОРЯКОВ

С. Н. Стебницкий

ОЧЕРКИ ЭТНОГРАФИИ КОРЯКОВ

Санкт-Петербург
«Наука»
2000

*3. Шаманство**

Вся деятельность корякского шамана заключается в борьбе с нин'витами.

Наиболее глубокие исследователи корякского и чукотского шаманства В.Г. Богораз и В.И. Иохельсон подразделяют его на шаманство профессиональное и семейное.

---

* В этом разделе объединены выделенные С.Н. Стебницким в рукописи мелкие подразделы — рассказы о вредоносных духах и шаманах, — тематически связанные с шаманским культом. — *Примеч. ред.*

Шаманы-профессионалы — «очень сильные» шаманы, известные по всей округе. Их вызывают специально для гадания, лечения, обеспечения удачи предстоящего промысла или наступающего сезона оленеводства (например, отела).

Шаманам-профессионалам дают известную плату: убивают оленя, якобы требуемого нин'витами, или собаку. Самому шаману делают подарок. Правда, считается, что шаман ничего не должен брать за лечение.

Любое шаманское действо производится совершенно бесплатно, иначе плохо будет самому шаману, но принять подарок шаман может. В последнее время определенно можно говорить о том, что у некоторых корякских шаманов их практика уже стала составлять статью дохода. В.И. Иохельсон упоминает, например, о вдове-старухе, жившей в одном из поселков восточного побережья полуострова Тайгонос. За то, что она была сведуща в заклинаниях, ей приносили разные подарки, и она вполне могла жить тем, что зарабатывала своим шаманством.

Нечто совершенно иное представляет собою *семейное шаманство*, преимущественно женское. Вообще роль женщины в корякском шаманстве, в особенности в шаманстве семейном, очень велика. Главной шаманкой в семье обычно является старшая женщина семьи.

Она знает много заклинаний, необходимых в самые разнообразных случаях жизни: заклинания против различных болезней; заклинания, которые необходимо произносить в тех случаях, когда убит тот или иной зверь; заклинания, которые помогут кому-нибудь из членов семьи, застигнутому пургой в пути, или помогают в промысле мужчинам данной семьи, ушедшим добывать зверя. Словом, заклинания у коряков чрезвычайно разнообразны.

Старшая женщина, главная семейная шаманка, знает также в подробностях все обряды, которые приличествуют тому или другому случаю. Короче говоря, на ней лежит руководство всем религиозным культом данной семьи, в значительной степени связанным с домашним очагом.

В.Г. Богораз, говоря о чукотском шаманстве, выделяет еще как бы особый вид шаманства, который он характеризует как *поголовное шаманство*, имея в виду особую эмоциональность и импульсивность коренного населения.[2]

Надо сказать, что такой подход к шаманству имеет под собой целый ряд оснований. Очень многого в шаманстве мы не поймем, если не примем во внимание, что оно связано с повышенной нервной возбудимостью, присущей отдельным субъектам из среды чукчей, коряков или представителям какого-нибудь другого народа.

---

[2] *Богораз В.Г.* К психологии шаманства у народов Северо-Восточной Азии // Этнографическое обозрение. М., 1910. Кн.84—85.

Приходится согласиться также с утверждением В.Г. Богораза о том, что чукчи и коряки очень податливы различным потрясениям — как физическим, так и духовным. Это можно наблюдать постоянно. Приведу следующий простой пример.

В январе—марте 1934 года мне пришлось преподавать в одной из корякских начальных школ в 1-м классе школы Пенжинского оленесовхоза. Однажды, видя, что урок подходит к концу, я подошел к шкафу, на котором стоял звонок, и, не прекращая объяснения, взял звонок. Закончив фразу, я резко позвонил. Эффект получился неожиданный. Ребята все сразу, как один, подняли дикий крик, некоторые сорвались с парт, глаза у них расширились, лица побледнели. В чем дело? Ведь звонок им был уже знаком и привычен, но, очевидно, необычайно бурную реакцию вызвала резкость и неожиданность звука.

В интернатах начальных школ, в общежитии курсантов Корякской окружной совпартшколы мне постоянно приходилось наблюдать такие явления: спит кто-нибудь из мальчиков или юношей и во сне распевает. Среди курсантов совпартшколы был 18-летний юноша, лучший актер наших самодеятельных спектаклей. Ему всегда давались наиболее сложные роли. Но беда была в том, что стоило ему выступить в спектакле, как ночью он всю роль с начала до конца повторял во сне. Его товарищи просыпались и при желании могли бы во второй раз наблюдать его выступление в спектакле.

Среди курсантов был также 17-летний юноша из села Каменского. Каждый раз, перед тем как лечь спать, он снимал с себя пояс и отдавал его кому-нибудь из товарищей. На поясе был нож, а он знал за собой такие случаи: проснувшись среди ночи, он хватался за нож и бросался на тех, кто спал рядом с ним, причем он проделывал это совершенно бессознательно.

Летом я жил в общежитии вместе с курсантами. Помню, иногда проснусь ночью и вижу: стоит этот парень около окна, как будто хочет вылезти. Подойдешь к нему, а он, оказывается, спит.

В связи с этим приходит на память рассказ Г. Дьячкова из его книги «Анадырский край», хотя, конечно, в этом рассказе есть немалая доля фольклора. Так вот Дьячков сообщает, что многие жители сел Пенжины и Марково на Анадыре ночью будто бы встают и совсем раздетые, в том виде, как легли спать, выходят из жилища, бродят босиком по снегу при морозе в 40—50 градусов.

Когда они возвращаются, слышно, как стучат по полу, словно деревянные, их замерзшие ноги. Но как ни в чем не бывало эти «лунатики» снова ложатся спать, а утром просыпаются здравы и невредимы, не помня ничего, что было ночью.

Однако Дьячков замечает, что если человека разбудить в то время, как он бродит среди снегов, он валится, и с ним начинается припадок.[3]

---

[3] *Дьячков Г.* Анадырский край (рукопись жителя села Марково) // Зап. Общ-ва изучения Амурского края. Владивосток, 1893. Т. II.

У многих коряков в переходном («критическом») возрасте — при переходе от отрочества к юности — наступал период «становления шаманом».

Редкий коряк, с которым мне пришлось познакомиться поближе и поговорить что называется по душам, не рассказывал об этом пережитом им «переломе». У одних он проходил легче, проще, у других — более болезненно.

Упоминавшийся выше шаман Онтав в 1927 году (ему было тогда 46 лет) рассказывал мне, что лет 20 тому назад он в течение семи дней «был мертвым». После этого он два месяца ничего не ел, все время лежал почти без движения в спальном пологе. Это состояние у него началось после того, как он из-за какого-то пустяка повздорил со своей матерью. Мать попросила его что-то сделать по хозяйству, ему этого не хотелось, и он ответил ей слишком резко, даже махнул на нее рукой, чего, конечно, по отношению к матери делать никак нельзя.

Когда порыв внезапного гнева остыл, он, очевидно, отдал себе отчет в том, что допустил по отношению к своей матери неслыханную грубость. Это сильно повлияло на его душевное равновесие, и у него начался период «становления шаманом». Тогда-то он и приобрел свою шаманскую силу. Правда, в другой раз он рассказывал мне, что специально учился шаманству у одной старухи, «очень сильной шаманки».

Надо сказать, что большинство коряков наступление «периода становления шаманом» рассматривают как тяжелую болезнь. Считают, что духи нин'виты начинают призывать юношу или девушку. Молодой человек слышит призыв духов и старается убежать от них. Он предпринимает целый ряд мер, чтобы не поддаться этому призыву, чтобы не стать шаманом.

И действительно, у многих этот период «бешенства», по выражению алюторцев, вскоре проходит без всяких последствий.

Но некоторые поддаются призыву и даже сами идут ему навстречу. Их начинает интересовать шаманство Они усваивают заговоры, поступают в ученики к опытным шаманам. Онтав рассказывал о старухе, у которой он учился шаманству, следующее.

«Однажды он с товарищем и со старухой ехал на двух нартах. Старая шаманка сидела на задней нарте. Вдруг юноши оглянулись и видят, что никого на этой нарте нет. Стали оглядываться по сторонам: впереди, на самой дороге, сидит большой медведь. Они сначала испугались, но скоро поняли, в чем дело. Погнали собак прямо на медведя, подъехали — на дороге сидит старуха».

Трудно сказать, какая именно болезнь была у Онтава в тот период, когда он приобретал шаманскую силу. Во время болезни он видел много причудливых снов, был в потустороннем мире. Отца его уже не было в живых, но во время болезненного сна, который длился

несколько суток, Онтав виделся со своим отцом. Он говорил, что отец его «был комсомол», т.е. не верил в шаманство.

Однако при встрече в потустороннем мире отец убеждал сына не следовать его примеру. Он говорил, что жил неправильно и советовал сыну следовать учению стариков, соблюдать все шаманские предписания, а главное — быть послушным матери, которая была, очевидно, очень опытной в шаманстве.

Вернувшись из обители предков обратно на землю, Онтав стал шаманом. Правда, сам он не считал себя настоящим шаманом, так как свою шаманскую силу употреблял только для лечения. Тем не менее по всей округе, от побережья бухты Корфа до села Карага и даже на западном побережье до села Рекинники, он славился как один из наиболее сильных шаманов.

Кичигинец Авваки, который рассказывал мне о встречах Онтава с нин'витами, говорил, что ему в ранней юности тоже пришлось слышать призывы нин'витов, но что у него этот период прошел благополучно, и он не стал шаманом.

Старший брат Авваки, Кайгарат, тоже был человеком с неуравновешенной психикой, совершенно неприспособленным к работе; но многие называли его просто лодырем. Младший брат Авваки и Кайгарата рассказал мне такой случай.

Однажды он остался дома вдвоем со старшим братом. Кайгарат взял бубен, стал бить в него, запел. Потом он схватил большой нож, сбросил кухлянку и воткнул нож себе в голую грудь по рукоятку прямо под левый сосок. Через некоторое время он велел младшему брату вытащить нож.

Тот рассказывал: «Я подхожу, берусь за нож и не могу вытащить, приложил всю силу, все равно нож не выходит». Потом Кайгарат научил его, как надо тащить нож. Когда ему удалось это, он увидел, что никакого следа раны на теле брата не осталось. После этого, как он говорил, ему постоянно приходилось вытаскивать ножи не только из тела брата, но и у других шаманов.

Рассказы о шаманах, которые втыкают в свое тело ножи, распространены очень широко. Мне уже приходилось упоминать о сыне ламута Дмитрия Солодякова, жителя села Кичиги, который после неудачного сватовства тоже стал переживать период «становления шаманом». У него этот период проходил необычайно бурно.

Некоторое время он, как дикий зверь, бегал по тундре, потом вернулся в поселок и начал бросаться на людей. Кончилось тем, что родной отец пристрелил его из ружья. Этот факт подтверждали все кичигинцы.

Однако надо учитывать, что фольклор, который создается вокруг шаманов, очень действен, легко находит отклик в умах людей, для которых самые простые вещи оказываются необъяснимыми, и заставляет работать их возбужденную фантазию прихотливо и необузданно.

В связи с тем что было сказано выше, не лишен интереса следующий факт. В 1928 году один из кочевых алюторцев района побережья бухты Корфа был избран делегатом на Первый окружной съезд советов Камчатского округа. Он в первый раз попал на пароход и оказался под воздействием целого ряда совершенно новых, неожиданных для него впечатлений, резко повлиявших на его психику.

Приблизительно на второй—третий день пребывания на пароходе к нему вернулся «период бешенства», который ему пришлось пережить в юности.

«В течение нескольких дней до приезда в Петропавловск он был совершенно ненормальным человеком. Глаза его остекленели, тревожно бегали. Он видел совсем не то, что было перед ним. Его приходилось водить как слепого. С ним ехали жена и сынишка. Оба говорили, что с ним это было в молодости, а сейчас опять вернулось, наверно, потому, что на пароходе много всяких нин'витов, и они его одолели.

После приезда в Петропавловск он успокоился, пришел в себя и ненормальное состояние прошло бесследно».

Призывы нин'витов слышатся некоторым корякам не только в ранней юности. Мне лично пришлось наблюдать женщину, к которой «шаманская сила» пришла сравнительно поздно, когда она была уже давно замужем. Не знаю, однако, имела она детей или нет. Этот случай мне пришлось наблюдать в мае 1928 года на пути из Кичиги в Теличики.

Среди дня мы заехали на одно из стойбищ оленеводов-алюторцев. Это было за полдня пути от Кичиги. Войдя в ярангу, мы застали хозяев за чаем.

Я заметил, что одна из женщин сидит и стонет, лицо у нее бледное, вид больной, однако, несмотря на болезнь, она деятельно выполняет обязанности хозяйки — разливает чай, хотя и с причитаниями, с оханьем.

Когда мужчины кончили разговор о том, кто сколько добыл лахтаков, кто где промышлял, больная вдруг сказала: «Я с утра еще знала, что сегодня будем пить чай с сахаром и с белым хлебом, знала, что к нам приедет гость и будет нас угощать».

Сидевшие подтвердили, что она действительно еще утром говорила это. Они смеялись над ней, убеждая ее, что никто не поедет в весеннюю распутицу.

Постонав и поохав еще некоторое время, больная хозяйка спросила нас: «А кто за вами едет?». Мы с каюром ответили, что за нами никто не едет. «Нет, — говорит, — за вами едет какой-то человек. Он хочет вас догнать, это хитрый человек».

Мы повторили, что никто за нами ехать не собирался. Напившись чаю, мы отправились дальше. Вскоре выехали на ровную тундру. Вдруг целая стая гусей села невдалеке от нас на прогалине. Мой

спутник стал распутывать кладь, чтобы достать ружье. Ружье он достал, но оказалось, что сумку с патронами и прочими охотничьими принадлежностями он забыл дома.

Когда через полмесяца мы вернулись в Кичигу, выяснилось, что как только мы выехали, домашние моего спутника заметили оставленную сумку, и его тесть, старик, решил нас догнать. Ему все равно надо было ехать к оленеводам за мясом. Вслед за нами он действительно приехал на то стойбище, где мы останавливались на чаевку, и ночевал там.

Тесть моего спутника, один из бывших торгашей, переселился на Камчатку в 1907 году. Он был человек довольно жуликоватый; коряки его недолюбливали. Так что и с этой точки зрения женщина, обнаружившая удивительную проницательность, была права, назвав его хитрым человеком.

Когда мы выехали со стойбища, мой каюр завел разговор о больной женщине. Он сказал: «Хорошая баба была и вот испортилась отчего-то. Жалко ее мужа. Затем последовал рассказ о трюках, которые проделывает новоявленная шаманка.

«Однажды старший брат моего спутника с женой приехали к ним в гости. Стали пить чай. Вдруг у этой женщины стало как-то неудобно во рту. Она схватилась за щеку, наклонилась над блюдцем и из ее рта посыпались бусы. Бусы эти она подарила жене гостя и та употребила их на украшение своей праздничной кухлянки».

Шаманская сила может пропасть. Обычно у женщин это бывает после вступления в брак, когда появляются дети. Рождение детей служит для женщины поводом потери шаманской силы. Возможно, с этим связано то, что В.Г. Богораз назвал *явлением превращенных шаманов* у чукчей.

Известно, что шаманы с «превращенным» полом существовали также у коряков, но никому из исследователей, кроме В.Г. Богораза, не приходилось наблюдать их. Но В.Г. Богораз описывает два случая личных встреч с чукотскими шаманами превращенного пола. В обоих случаях это были мужчины, которые вели себя как женщины. Они ходили в женской одежде, не охотились, не выполняли никаких мужских работ в хозяйстве, и наоборот, делали все женские хозяйственные работы.

У одного из них превращение зашло настолько далеко, что даже внешность его изменилась. Он стал очень похож на женщину. Оба превращенных шамана имели мужей мужчин. Возможно, что при более глубоком исследовании окажется, что и у коряков «превращенные шаманы» существовали.

В.И. Иохельсон еще в 1900—1901 годах отмечал, что шаманство у коряков сходит на нет, что в последнее время уже нет сильных шаманов-профессионалов, хотя лет 50 до того, т.е. в первой половине XIX века, шаманство было развито в полной мере.

Когда мне, спустя 30 лет после экспедиции В.И. Иохельсона, приходилось слышать рассказы о шаманах, рассказчики всегда говорили: «Сейчас сильных шаманов нет, а вот лет 10—20 тому назад...». И следовало очередное повествование из области шаманского фольклора.

О шаманах-современниках коряки избегали рассказывать. У них не было уверенности, что шаман не слышит всего того, что о нем говорят даже на самых отдаленных стойбищах. Они не знали, одобрит ли он их рассказы.

Когда мне впервые пришлось познакомиться с Онтавом, мне и в голову не приходило, что это — шаман, который славится по всей округе. Я решил, что это коряк, который знает некоторые заклинания, причем относится к ним довольно либерально, поскольку почти сразу ответил согласием на мою просьбу исполнить для меня несколько заклинаний. От Онтава я и записал три заклинания.

Шаманские сеансы происходят либо во время праздника, когда приносится соответствующее жертвоприношение, либо по специальному поводу — для гадания или лечения.

Гадание и *лечение* — это два основных повода, по которым производится камлание. Мне лично пришлось присутствовать только один раз на шаманском сеансе, происходившем с целью гадания.

Дело было на реке Валаваям. Там находилось небольшое поселение из двух землянок старого типа, со входом через дымовое отверстие. Я ехал с Онтавом. Мы только что переехали через Анапку, подъезжаем к землянкам. На одной из них я вижу копье, воткнутое в крышу, в наклонном положении острием вверх. Вокруг наконечника копья — поясок из разноцветных лент, впрочем, почти уже потерявших свой цвет. К концам лент подвешены бусины.

Впоследствии я узнал, что копье, воткнутое в крышу землянки, служит признаком жилища шамана. В данном случае копье торчало в крыше землянки, в которой жила старуха-шаманка, очень сильная, как сказал Онтав.

Едва мы успели попить чаю, как Онтав стал торопиться спать. Обычно после чая мы поздно засиживались, как Онтав говорил, «учились»: он учил меня корякскому языку, я его — русскому. Так установилось у нас за 7-дневную дорогу.

Меня очень удивила необычная спешка с отходом ко сну: еще не успели улечься, а уже собираются тушить огонь в очаге. Перед тем как потушить огонь, старуха вышла из землянки.

На ней была красивая кухлянка из разномастных оленьих шкур. Вся кухлянка была украшена кружочками, представляющими концентрические круги из полосок белой кожи, красной кожи и меха. От центра каждого кружка свешивался длинный хвост из окрашенного меха, заканчивавшийся бусами.

Я обратил внимание на наряд, но не подозревал, что это специальная одежда шаманки. Старуха вышла наружу и почти

сразу же вернулась. Тотчас тщательно потушила огонь в очаге. Надо подчеркнуть, что все подлинные шаманские сеансы у коряков происходят в полной темноте.

Вот звякнул бубен. Старуха стала ударять в бубен сначала тихо, потом все громче и громче. Она долго била в бубен и пела. По мере того как она входила в азарт, вся землянка наполнялась звуками бубна. Получалось впечатление, что бубен то удаляется, звучит где-то совсем далеко, то вдруг приближается. Удары слышны все ближе, ближе, кажется, что старуха подошла вплотную, и бубен звучит над самым ухом. Потом звуки уходят куда-то вверх или спускаются глубоко вниз, уходят в угол.

Вскоре звуки разделились. С одной стороны был слышен бубен и голос старухи, с другой — второй бубен и незнакомый голос, отвечающий ей откуда-то из противоположного угла землянки. Происходил разговор.

В землянке вдруг что-то заворочалось. Кто-то прошел вокруг средней части землянки. Из угла в угол пролетела связка бус. Потом старуха еще немного попела и вскоре прекратила бить в бубен. Стало тихо.

Между нею и Онтавом произошел разговор. Я тогда еще очень плохо понимал по-корякски. Онтав объяснил мне, что он спрашивал старуху, как живут его домашние, главное же — ему нужно было узнать о судьбе двух пестрых оленьих телят. Старуха ему сказала, что все будет благополучно.

Когда зажгли свет, я попросил продолжить действо, но старуха наотрез отказалась. Она сказала, что нин'виты могут сделать худое чужому человеку.

Рассказы о шаманских трюках, распространенные среди коряков, очень разнообразны и большею частью маловероятны, хотя и передаются как бы очевидцами, которые к тому же приводят ряд косвенных доказательств, почти вещественных.

Впрочем, очень часто они не более убедительны, чем мюнхаузеновское доказательство чудесных свойств куртки, пуговицы которой при приближении к добыче летали, как пули, прямо в зверя, что подтверждалось наличием на куртке всего двух пуговиц.

Бóльшая часть рассказов о шаманских трюках относится к рассказам о воскрешении умерших животных или людей. В Кичиге мне пришлось слышать, например, такой рассказ об одном рекининском шамане.

«Один раз шаман с товарищем ехали верхом на лошадях. Своей лошади у шамана не было, он взял лошадь у соседа. Ехали через перевал, очень узкой тропой. Лошадь шамана сорвалась, полетела вниз и убилась. Сам он едва успел соскочить с нее.

Шаман сказал: "Если бы это была моя лошадь, тогда ничего, пускай пропадает, но ведь это лошадь товарища, надо что-нибудь сделать".

Он спустился с обрыва, обошел вокруг мертвой лошади три раза по солнцу, произнося при этом заклинания. Потом пнул лошадь ногой — лошадь вскочила и пошла».

О другом шамане мне рассказывали подобный же случай в двух вариантах. Согласно одному варианту, «к шаману на стойбище приехал приморский житель. Хозяин убил для него оленя. Когда оленя убивают для кого-нибудь из сородичей или друзей, тушу разделывают тут же, на месте убоя, и на нарту кладут разделанное мясо со всеми потрохами, завернутое в шкуру убитого оленя.

Гостю на нарту также положили мясо, завернутое в шкуру. Он подошел к нарте, посмотрел на убитого оленя и сказал: «Совсем сухой олень, напрасно ты мне его дал. Лучше уж я ничего не возьму».

Хозяин ничего не ответил. Он обошел три раза вокруг нарты по солнцу, произнося при этом заклинание, потом пнул оленя ногой — тот соскочил с нарты и побежал в стадо.

Другой вариант того же рассказа начинается так: «Пастухи по ошибке убили не ту важенку, которую надо было. Когда они увидели свою ошибку, один из них тем же способом вернул ей жизнь, и важенку прогнали обратно в стадо». Характерно, что для воскрешения важенки был необходим тот самый нож, которым ее убили. Перед тем как воскресить ее, шаман опять воткнул нож в рану.

Существует множество рассказов о воскрешении людей. Один из кичигинских алюторцев по имени Камчэ рассказал мне следующее.

«Шаман Патгырн'ын однажды приехал на стойбище. За день до его приезда в одной из яранг умерла женщина, мать большого семейства. Все очень сожалели об умершей, она была еще молода. Патгырн'ын спросил: "Вам очень жалко ее?". Ему ответили: "Да, очень жалко, но что поделаешь!". Тогда он спросил: "У вас есть какой-нибудь совсем дрянной, никуда не годный мальчишка?". "Правда, есть... — вот этот". Ему указали на мальчика лет шести. Патгырн'ын взял толстую длинную палку. Он лег рядом с мертвой женщиной, положил палку себе на плечо. Его и мертвую женщину накрыли общей шкурой. Все это происходило рано утром».

Рассказчик пояснил: «Когда Патгырн'ын лег, он тоже как бы умер. Душа его ушла. Но он не умер. Он был очень хитрый шаман».

«Не наступил еще полдень, как вдруг оба лежавшие под шкурой зашевелились, сбросили с себя шкуру и встали. С лица и даже с головы у обоих капал пот, как будто они долго бежали по неровному месту. Сначала они были как бы полусонные и стояли так, что казалось, будто женщина убегает, а старик гонится за ней с палкой. Оба тяжело дышали. Потом оба вздохнули очень глубоко и как бы очнулись.

Тотчас же упал мертвым мальчик, на которого указали шаману перед тем, как он лег рядом с женщиной».

Рассказчик закончил: «Женщина эта жива до сих пор». И назвал стойбище, где эта женщина живет, добавив: «Если хочешь, можешь поехать туда, сам увидишь ее».

Про Онтава среди кичигинских алюторцев ходит такой рассказ.

«Несколько человек оленеводов-алюторцев ехали в Вывнак. Среди них был Онтав. Недалеко от Вывнака есть речка с обрывистыми берегами. Эта речка часто бывает совсем незаметна для проезжающих по тундре. На этот раз ездоки тоже не заметили речку и со всего разгона полетели вниз с обрыва. Только Онтав не сорвался — он ехал позади всех.

Один из ездоков, Ахалли, убился насмерть. У него на нарте было копье. Когда он упал, копье пробило ему горло и перерезало шею.

Онтав подошел к нему — Ахалли весь в крови лежал мертвый.

Онтав сказал: “Жалко товарища. Совсем напрасно умер... Ну, ладно, попробую, может быть, выйдет”.

Онтав обошел вокруг мертвого три раза, как ходит солнце. Потом он приложил обе ладони ко рту и обмазал их слюной. Наклонился и провел ладонями по лицу и шее Ахалли и тотчас пнул его ногой в бок, сказав: “Ну, вставай!”.

Ахалли встрепенулся, как внезапно разбуженный, спросил: “Что такое? С нами случилось что-нибудь?”.

Онтав сказал: “Ничего не случилось, надо ехать”».

Так же как и другие подобные рассказы, и этот рассказ был закончен документальной справкой: «Ахалли был на оленьем празднике на Белой речке. Ты видел его и говорил с ним. Он был в пестрой кухлянке».

Интересный рассказ о шаманских трюках мне случилось записать в октябре 1927 года на Апуке от обруселого коряка жителя села Гижики, Ив. Воробьева.

«В Каменском живет сильный шаман. Ему теперь лет сорок. Я ночевал у него как-то ночи три. У него болела старшая дочь — вот-вот помрет. Он был человек задумчивый, все больше молчал, зря слова не скажет, а что скажет — то дельное.

Утром он говорит мне: “Пойдем по дрова”. А своим сказал: “Пойдите в стадо, убейте самого жирного быка”.

У него было две жены и несколько дочерей. И работники были, которые за дочерей работали. Работники принесли оленя. Нарубили мяса, навесили большой котел. Я думаю: “Вот хорошо, какое угощенье будет”.

А хозяин съел мухоморов штук восемь и пошел в полог спать. Мы чаю попили, ждем, когда мясо сварится и хозяин выйдет, — думаем: “Поедим”.

Потом он вышел и сказал: “Ну, вы теперь лампу потушите и спать ложитесь!”. Велел закрыть верхнюю дыру (осень уже была, ходили через верх).

Я лег на койку, — у него в землянке было два полога и койка, я на ней спал. Возле меня свеча горит. Он велел погасить свечу. Взял бубен (у него такой небольшой был) и стал бить в бубен. Бил не шибко, как другие, так что в ушах звенит, а потихоньку. Потом приложил бубен к груди, и после опять стал бить. Все кругом молчат.

Вдруг слышу — шаги чьи-то, большие, тяжелые. Верхняя дыра открылась — луну видно. Пролезает в дыру большой такой человек, старик, и начинает говорить по-чукотски, густым голосом, будто гром гремит. Он говорит: “Мэй! Мэй!” («Привет! Привет!»).[4] И лезет вниз. Слышу — сел, все время говорит.

А хозяин в закрытом пологу. Я думаю: “Давай буду отвечать”. И сначала сказал так: “О-ой!”.

Он стал говорить про то, про другое, про хозяина.

Я отвечаю.

Потом он сказал: “Ну, я пойду”. Вылез и пошел опять тяжелыми шагами.

Хозяин вышел из полога, подошел ко мне, взял меня за плечо и говорит: “Ну, молодец. Это хорошо, что ты ему отвечал. Мы его еще вернем. Я забыл про дочку спросить”.

А все молчат, от страха вздохнуть боятся. Он опять стал бить в бубен. Слышу — бежит парнишка, совсем молоденький. И ясным таким голоском стал спрашивать — чего надо?

Хозяин стал ему говорить, мол, бери что хочешь, какую хочешь дочь бери, только старшая чтобы жила.

Парнишка сказал: “Ну ладно, через три дня возьму младшую дочь”. И убежал шибко-шибко.

А хозяин все бьет в бубен. Я лежу, думаю, что дальше будет? А котел все кипит, угли под ним красные.

Вдруг слышу — в сенцах, через которые летом ходят, шум какой-то, будто там все разворотило. И сразу дверь как откроется с силой, чуть не сорвалась. Вижу — входит большой, под самый потолок, медведь, только совсем почти голый — волосков на нем мало-мало. Прошел через помещение, поднял полог и заглянул к хозяину.

Потом повернулся, пошел назад, стал проходить мимо котла, да как заденет за цепь — котел весь задрожал.

А медведь только проворчал и вышел. И слышу, будто человеческое мертвое тело прокатилось по крыше и — грох об землю.

Хозяин вышел из полога и спрашивает меня: “Ну, будешь чай пить?”.

Я говорю: “Да, да, вот надо огонь зажечь”, — и бегу к котлу, мне интереснее всего посмотреть, что в котле сделалось.

Зажег свечу, смотрю — в котле простая вода. А было мяса столько, что даже выпирало. И больше всего меня взяло сомнение, куда это мясо девалось?».

---

[4] По-алюторски, а не по-чукотски.

Приведенный рассказ Ивана Воробьева несомненно основан на каком-то предании шаманского фольклора, однако столь же несомненно, что он сдобрен большой долей личной фантазии рассказчика. Непонятным остается, почему у приморского коряка-каменца оказывается стадо оленей, при котором работают несколько пастухов.

К сожалению, этот богатый интересными подробностями рассказ записан мною в самом начале (в первый месяц) пребывания среди коряков. Поэтому целый ряд деталей, требующих уточнения, остался невыясненным, благодаря чему запись много потеряла в своей ценности.

Тот же Иван Воробьев рассказал мне следующее.

«Лет пятьдесят назад на Апуке жил большой шаман. Когда он был еще не так стар, он один раз сорвался с утеса...» (рассказчик указал на крутой обрыв, поднимающийся шагах в двухстах от поселка Усть-Апука)...

«Пока падал вниз, его разорвало на куски — тут рука, там нога. Все коряки видели это. Когда голова докатилась до низу, она полежала немного, и вот к ней стали собираться куски. Шаман собрался и встал. Только куска левой ноги нехватало, наверно, потерялся где-нибудь. Левая нога у него стала короче, и с тех пор он хромал».

О каменских шаманах Иван Воробьев рассказывал: «В Каменском живет одна баба, жена Хэчгылхута. Так она, когда начнет шаманить (бить в бубен), вся задрожит и просит, чтобы ее били головой об камень. У нее возле землянки есть большой черный камень. Коряки уже знают и зовут самых сильных — там есть такой Ефим.

Двое возьмут ее — один за правую ногу, другой за левую руку, раскачают и начнут бить со всей силы головой о камень.

А она только кричит: “Еще, еще! Мало, мало! Силы в вас совсем нету!”.

Можешь съездить посмотреть, а только какой случай будет, застанешь или нет».

«Там еще в Каменском живет один старик. У него в землянке столб стоит, толстый, лиственничный. Он как зашаманит, станет спиной к столбу и просит, чтобы его били в грудь камнем. Камень, которым его бьют, тоже черный, большой такой».

«А на Ильпине и сейчас живет самый большой шаман. Еще молодой, ему лет тридцать. К нему коряки ездят даже с Хатырки...»

Предполагая быть в районе села Теличики, где жил этот шаман, я выразил желание посмотреть на него и поговорить с ним, но Иван скептически усмехнулся: «Да он тебе все равно ничего не покажет... и сам не покажется».

Младший брат кичигинцев Авваки и Кайгарата рассказывал, что в районе села Рекинники живет один старик. Жена его давно

умерла, он живет один с сыновьями. Но говорят, что у него есть нин'витн'авчан (*нин'вит* — жена).

Когда к нему приезжают гости, он кому-то невидимому велит приготовить чай. Полный воды чайник сам навешивается на цепь над огнем, чайная доска сама укладывается среди полога, сама открывается шкатулка с посудой, пучок лыка сам вытирает чашки, а чашки сами устанавливаются на доске. Старик лежит в пологе и разговаривает с гостями. Невидимая жена сушит ему торбаза, обшивает его.

Бывший студент Института народов Севера, апукинец Эвытко записал рассказ о шамане, который силой заклинания убил кита, заставил тушу кита выброситься на берег и подняться по крутому откосу на прибрежную тундру.

Этот рассказ опубликован как образец текста на апукинском диалекте.[5]

Осенью, когда вырастут мухоморы, шаманы устраивают состязания. Несколько шаманов собираются в одной землянке или яранге, едят мухоморы и меряются силами. Сильнейшие шаманы отнимают силу у более слабых. Этим они убивают своих соперников, а сами становятся сильнее и живут дольше настолько, насколько было силы и жизни *вюпатгырн'ын* («жизнь», «бытие», «закон») у умершего.

Шаман может отнять и приобрести силу и жизнь соперника также в том случае, если сорвет с его руки *сыпгаксяв* — браслетку из черных и белых бус.

Распространен рассказ о шамане, который, защищаясь от наступления соперников, плюнул на пол и сказал: «Смотрите!». Всем шаманам показалось, что на них идет морская волна. И они в страхе отступили.

В веселое мухоморное время шаманы любят подшутить над простыми смертными. Шутки ради шаман может посадить собеседника в курительную трубку, в чайную чашку, разрезать на кусочки и вновь собрать в целое.

Шаман может устроить так, что под влиянием непреодолимой потребности человек доверху наполнит свои штаны зловонной массой, и лишь когда он начнет задыхаться от собственной оплошности, шаман прекратит шутку, и обескураженный собеседник увидит, что ничего неподобающего с ним и не бывало.

Из приведенных рассказов о шаманах можно убедиться, что шаманский фольклор коряков достаточно богат и разнообразен. В нем, так же, как и в других жанрах фольклора, есть свои установившиеся эпизоды, сюжеты, типы преданий, на основе которых, как по канве, фантазия рассказчика плетет прихотливые, своеобразные узоры.

---

[5] См.: *Стебницкий С.Н.* Нымыланский (корякский) язык // Языки и письменность народов Севера. Л., 1934. Ч. III. С. 83.

Шаманское врачевание заключается прежде всего в так называемой шаманской хирургии. У шаманов существуют специальные ножи, по форме мало отличающиеся от обычных корякских ножей, но несколько более короткие, узкие и меньшие размером.

Эти ножи шаманы употребляют якобы для того, чтобы вскрывать тело человека, которого они берутся лечить.

Вскрытие тела живого человека простым ножом, конечно, всего лишь ловкий шаманский трюк. В.Г. Богораз описывает один из таких трюков, во время исполнения которого ему пришлось присутствовать.

Чукотская шаманка якобы вскрыла живот своего сына. Она заставила мальчика раздеться, положила на спину и провела ножом вдоль его живота. Сразу грудь и живот мальчика покрылись кровью. Создалось впечатление глубокого разреза.

Но все объяснялось очень просто: у шаманки были заготовлены комки снега, внутри которых была замороженная тюленья кровь. Во время операции она, будто бы разогревшись, глотала снег, потом, бормоча заклинания, приближала губы к «ране».

Вполне понятно, что, как только она кончила операцию и обтерла кровь с живота пациента, на теле мальчика никаких следов раны не осталось.[6]

Очевидно, аналогичным способом производятся все подобные «хирургические операции» шаманов.

Рассказов о них среди коряков ходит очень много. Сами шаманы рассказывают, что им постоянно приходится прибегать к разрезам, предварительно нащупав место, где гнездится болезнь, т.е. *нин'вита*, и затем вынимать ее оттуда.

Нин'вит, извлеченный шаманом из тела больного, может выглядеть, как уже говорилось ранее, довольно разнообразно. Чаще всего это — человекообразная фигурка из травы, из мяса или из дерева.

Ощупав все тело больного, шаман определяет, в каком месте засел нин'вит, затем делает разрез и извлекает его.

Некоторые очевидцы из коряков утверждают, что шаман съедает пойманного им нин'вита.

Очевидно, имея в виду необходимость съесть нин'вита, и делают предварительно специальные фигурки из мяса. Если шаман не съест нин'вита, болезнь может перейти к другому человеку.

Второй способ шаманского лечения — высасывание болезни, производимое через макушку головы. Упоминавшийся выше кичигинец Авваки рассказывал, как в дни его юности шаман Онтав лечил его от *юргысъатгырн'ын* (бешенства).

Очевидно, Авваки так же, как и многие другие корякские юноши, переживал период становления шаманом, но ему не хотелось стать шаманом, и он обратился к Онтаву с просьбой вылечить его.

---

[6] *Богораз В.Г.* Чукчи. Л., 1939. Ч.II. С.127.

«Онтав согласился. Он произнес над ним некоторое количество заклинаний, потом подошел, приложил губы к его макушке и потянул в себя воздух. Авваки почувствовал, что все его внутренности поднимаются кверху и выходят через макушку головы, а внутри стало легко: “Брюхо стало легкое и совсем пустое, и снизу пошел теплый, приятный воздух”.

После этого он выздоровел».

Авваки сообщил мне также интересный эпизод, связанный с рождением его брата Киткитава (их было пять братьев). Он рассказывал так: «Если бы моя мать не умерла в 1914 году, она и теперь была бы жива и прожила бы, наверно, еще очень долго. Это бабушка, мать моего отца, виновата, что моя мать умерла.

Отца я не помню, а мать помню плохо. Когда родился брат Киткитав, мать стала помирать.

А мой отец был сильный шаман. Да еще другой шаман пришел, Оптэлхут, отец Муллытки с Белой речки.

Стали шаманить. Оптэлхут держит мою мать, ее голова лежит на его груди. А отец бьет в бубен. Потом отец стал тянуть воздух у матери из головы через макушку. Вытянул как бы человечка, такой маленький, будто из травы сделан. Съел его. У матери тогда левая рука сколько-то раз согнулась и опять разогнулась.

Отец опять приложил губы к ее макушке, стал тянуть воздух в себя и опять вытянул вроде человечка, этот был весь красный, как кровь. У матери опять рука задергалась. А бабушка тут же сидела и смотрела. Ей стало страшно: вдруг у отца не хватит силы; тогда он сам умрет от той же болезни.

И она сказала: “Прекрати. Пускай теперь этот старик пошаманит (т.е. Оптэлхут. — *С.С.*). Для чего же его позвали?”.

Когда она это сказала, у отца сразу пропала сила, и он стал как простой человек. А простой человек, известно, — какое у него дыхание, даже волосы на голове не пошевелит.

Отец сказал бабушке: “Напрасно помешала мне. У нее в желудке еще осталась медвежья шерсть, и она теперь не сможет прожить долго. Может быть, только пять лет проживет”.

Так и было. После Киткитава родился я, потом Йинтальат. А потом наша мать умерла. Старший брат Кайгарат считал, — Киткитаву тогда было ровно пять лет».

Следует обратить внимание на то, что у шамана «вдруг пропала сила» после того, как посторонний зритель прервал его действо. Таких рассказов тоже ходит довольно много. Шаману нельзя мешать во время камлания. Если ему помешать, шаман либо очень тяжело заболеет, либо даже умрет.

Верившие шаманам кичигинцы говорили: «Раньше из-за попов много хороших людей пропадало. Поп как услышит, что в бубен бьют, сейчас же явится и начнет ругать. А когда шаман поет или даже простой человек начинает шаманить, его надо оставить в покое.

Если в то время войдешь и скажешь “Мэй!” («Здравствуй»), человек может сразу упасть мертвым».

Там же в Кичиге я записал такой эпизод. «Василий-кореец ночевал у одного оленевода-алюторца. Ночью старик хозяин стал шаманить. Василий слышит, что кругом бегают какие-то звери, кричат страшными голосами. Он зажег спичку. Сразу все пропало, а старик упал и до утра пролежал как мертвый».

Нельзя также заставлять шамана шаманить, когда он не хочет. Этим он тоже может навлечь на себя болезнь или даже смерть.

У шаманов есть потребность дать исход нервной энергии, которая у них скапливается с течением времени.

Очень часто можно наблюдать, что камлание производится без какой-нибудь определенной цели. Просто вечером или ночью, когда все улягутся спать, шаман берет бубен и начинает петь и бить в бубен. Пошаманив некоторое время, он успокаивается и тоже ложится спать.

Необходимой принадлежностью шамана является бубен. *Корякский бубен* имеет овальную форму, однако он более широк сверху и сужается книзу.

Длина типичного корякского бубна до 73 см. Кожа, из которой делается бубен, натягивается на деревянный обод шириной до 5 см.

Для бубна употребляется либо собачья кожа, либо кожа молодого лахтака. К ободу бубна с внутренней стороны прикреплены железные и жестяные побрякушки. Там же, с внутренней стороны, перекрещиваются два ремня, расположенные несколько ближе к нижней части бубна.

За эти ремни шаман держит бубен левой рукой. Обычное положение бубна во время игры на нем — горизонтальное, внутренняя часть обращена кверху.

Играющий на бубне бьет снизу по внешней части бубна особой колотушкой, которая представляет собою пластинку из китовой кости.

На эту пластинку до половины ее натянут кусок шкуры с волчьего хвоста. Средняя колотушка имеет до 45 см длины.

Бубен есть в каждой семье. Так же как *гыйгый* («Деревянное огниво»), бубен связан с семейным очагом и является одним из предметов культа домашнего очага. Но бубен может быть дан любому человеку.

На праздниках во время коллективного шаманства, которое происходит под руководством шаманов-профессионалов, каждому гостю, даже иноплеменнику, обязательно дадут хотя бы несколько раз ударить в бубен.

Мне лично каждый раз в таких случаях, как бы шутя, давали бубен, заставляли несколько раз ударить и сказать то, что полагается (у алюторцев особый возглас «Го-ло-ло-ло!»).

Переноска бубна из яранги в ярангу, от очага к очагу в настоящее время вполне допустима.

На праздниках в одной яранге скапливается до 8—10 бубнов, в которые бьют по очереди почти все участники праздника.

Как правило, чукотский и корякский шаманы не имеют специальной одежды. Шаман свое камлание совершает всегда в яранге или в землянке, в спальном пологе среди полной темноты. Ему нет необходимости производить эффект необыкновенной одеждой. Однако в районе расселения алюторцев мне неоднократно приходилось слышать, что у коряков существует специальная шаманская одéжда — кухлянка расшитая бусами, бисером.

На кухлянке нашито множество кругов из бус, полосок кожи и меха, окрашенных в красный, черный и другие цвета. Посредине спины кухлянки вышит большой круг, который, как мне объяснили, изображает луну. Из центра этого круга свешивается длинный хвост, составленный из кусочков горностаевой или заячьей шкурки с бусами, ленточками, иногда с колокольчиками внизу.

Название этого хвоста — *пиннях* — этимологизации не поддается.

Шаманская кухлянка вообще отличается от обычной большим количеством подвесок, более искусной выделкой, искусным подбором цветов. Такая кухлянка одинакова у шаманов мужчин и женщин. Впрочем, и те подвески, которые делаются на обычной кухлянке, — не просто украшение, а нечто вроде амулетов, оберегающих владельца кухлянки от нин'витов.

Алюторцы обычно носят не сдвоенные кухлянки, а односторонние *кагагли* мехом внутрь, мездрой наружу.

Мездра окрашена ольховой краской так, что кагагля имеет вид красно-коричневой кожаной рубахи. По длине швов, там где рукав пришивается к плечу, где сшиваются отдельные куски шкур, вставлены узенькие ремешки, образующие более или менее частую бахрому вдоль всего шва.

Каждая такая подвеска или все они вместе и являются как бы охранителями владельца кухлянки.

В 1927 году, когда председатель Карагинского райревкома выехал к кочевникам в новой кухлянке, на которой было очень много украшений из ремешков, коряки, встречая его, посмеивались: «Ты, оказывается, шаманом стал».

Специфическую форму имеют шаманские штаны — одна штанина у них мужская, другая — женская. Точно так же и обувь у шамана различная на каждой ноге: на одной ноге мужской торбаз, на другой — женский.

Когда шаман лечит мужчину, он надевает мужской торбаз на правую ногу, женский на левую; когда же он лечит женщину, правая нога у него одета по-женски, а левая по-мужски. Очевидно смешение мужских и женских частей костюма — пережиток того

времени, когда наиболее сильными шаманами считались шаманы «превращенного пола».

В монографии В.И. Иохельсона «Коряки» можно прочесть следующее: «Якутские шаманы разделяются на добрых шаманов (ayi-oyuna) и злонамеренных (abasy-oyuna). Их духи-помощники соответственно являются либо созидательными существами, либо вредоносными духами. В отношении коряков такого подразделения нельзя отметить, но оно есть у чукоч».[7]

Очевидно, что такое заключение можно сделать в отношении не всех коряков. Восточные и юго-восточные коряки, в частности алюторцы, в этом отношении более близки чукчам, чем северо-западным корякам, так как у них существует две категории шаманов: *лыги-ан'ан'ылъу* («настоящие шаманы») и *нин'вит-ан'ан'ылъу* («шаманы-нин'виты»).

При воскрешении мертвых лыги-ан'ан'ылъын обращается к «верховному существу», произнося адресованные ему заклинания.

«Нин'вит-ан'ан'ылъын прибегает в таких случаях к разным хитростям. Например, он переселяет в умершего человека душу собаки, которая в данный момент пробегает мимо. Собака падает мертвой, а человек оживает. Описанное выше воскрешение женщины посредством переселения в нее души скверного мальчишки произвел, конечно, нин'вит-ан'ан'ылъын.

Женщина осталась жить ценой жизни мальчика. Если бы женщину возвращал к жизни лыги-ан'ан'ылъын, ни от кого бы душу отнимать не пришлось и никто не потерпел бы от этого ни малейшего ущерба».

Душа, по представлению алюторцев (так говорил Онтав), — это маленькая птичка, которая помещается в теле человека, в верхней части груди, пониже гортани. Когда человек умирает, душа вылетает из тела. Шаману, если он хочет воскресить человека, необходимо поймать его душу и вернуть ее на место или отобрать ее у нин'витов, если они уже успели захватить ее.

4. Заклинания

Все шаманские действа сопровождаются заклинаниями. Записать шаманские заклинания — дело довольно трудное. В.И. Иохельсону удалось записать пять текстов, причем он сообщает, что достались они ему далеко не просто. Пришлось долго прожить среди коряков побережья Пенжинской губы, пока они согласились сообщить ему несколько заклинаний. По прошествии полутора—двух месяцев пребывания в поселке Куюл В.И. Иохельсону удалось записать три заклинания от местной корячки Навакут и два заклинания от

[7] *Jochelson W.* The Koryak. Leiden; New York, 1905. Part I. P.120.

одной из женщин из среды оленеводов, кочевавших на полуострове Тайгонос.

В Куюле В.И. Иохельсон записал заклинание для защиты одинокого путника от нин'витов. В своей монографии В.И. Иохельсон представил это заклинание в виде подлинного корякского текста с переводом на английский язык.[8]

Воспроизведу его в своем переводе на русский язык:

«Создатель начал испражняться. "Сына, — говорит, — вероятно, нин'виты возьмут. Одиноко спящего нин'виты возьмут". Испражнением сделал его, невыносимым для нин'витов. Хорошо спать стал. Благополучно проснулся».

Создатель, т.е. Ворон-творец, превращает своего сына в испражнение, чтобы сделать его отвратительным для нин'витов.

В приведенном варианте заклинание произносится над мужчиной.

Если заклинание произносится над женщиной, то вместо сына Создателя упоминается его дочь, обычно Йиниъан'авут или Тинйъан'авут — старшая дочь Ворона-творца.

Надо отметить, что, согласно показаниям многих алюторцев, нин'виты, по их представлениям, не имеют никакого отвращения к человеческим испражнениям, наоборот, они даже их едят.

Второе заклинание, записанное В.И. Иохельсоном, произносится с целью придать силу амулету. Оно очень напоминает первое: «Создатель начал испражняться, говорит: "Дочери что принесу?". Принес, засунул это, повесил. Нин'витами не настигнута. Прекратили настигать ее».[9]

В Куюле В.И. Иохельсоном записано также заклинание против головной боли. Оно более сложное, чем первые два:

«Создатель сам головную боль создавать начал. Пошел в тундру, встретил супружескую чету. Один топор держит, другая женский нож держит.

Обоих тех повел, домой привел. Голову дочери один топором рубит, другая ножом колет. Мити к его сестре пошла, сказала: "Заговори, дочь". Сказала: "Он сам боль сделал, он сам пусть вылечит".

Вернулась домой, сказала: "Ты сам болезнь сделал".

Этих рубящих увел. К стороне заката ушел. В стороне заката маленького жилья достиг.

Девушка там живет. Зайца дала ему.

Домой принес головную повязку.

Кричит заяц, голову лечит, рубцы стягивает. Лучше стало. Проснулась — хорошо. Выздоровела».[10]

---

[8] Ibid. P.60.

[9] Ibid. P.61.

[10] Ibid. P.61—62.

В заклинании в образах передается способ лечения головной боли посредством прикладывания к голове заячьей шкурки, которая вообще играет большую роль в шаманском врачевании.

Еще более пространные заклинания записаны В.И. Иохельсоном от корячки-оленеводки на полуострове Тайгоносе. Одно из них произносится для лечения нарыва на руке:

«Сын Создателя и Мити сказал: “Рука нарывает”.

— “Мити, подай воронью кухлянку и вороний посох!”.

Вышел; на море смотреть стал; подошел к морскому берегу, потом достиг (берега).

Чайка и также зайчишка кричат. Море вдаль (т.е. на большое расстояние. — *С.С.*) сохнуть начало.

Они, крича, осушали. “Вас двоих для чего употребляют?”.

Сказали: “Нас двоих болеющие нарывами в качестве повязок на нарыв употребляют. Мы двое кричим — не нарывает!”.

Сказал: “Домой возьму вас двоих!”.

Домой принес тех двоих, употребил для сына в качестве повязок на нарыв. Прекратило нарывать. Они криком нарыву не дают увеличиваться. Криком нарыв вылечили. Выздоровел».[11]

В этом заклинании, также рисующем в образах процесс лечения, наряду с чайкой опять-таки основная роль принадлежит зайцу. Осушение моря, очевидно, символизирует прекращение нагноения.

Другой заговор, записанный В.И. Иохельсоном от тайгоносской кочевницы, употребляется против ревматизма в ногах. Как и четыре предыдущих, привожу его в своем переводе:

«Сын Мити заболел ногами. Сын Создателя заскорбел ногами.

“Мити, подай воронью кухлянку, вороний посох”.

Потом вышел, небо все осмотрел. Потом улетел к рассвету. Потом большая сопка путь преградила. На стороне рассвета достиг большой сопки, стал взбираться на сопку, потом взобрался на вершину. Один пучок травы там торчит. Все сочленения травинок ротастые, все жуют.

“Вас для чего употребляют?“

— “Мы от ножной болезни. Мы нин’витов едим”.

Тот пучок травы сорвал, домой принес, где сыновыя ноги (болели), той (травой) обернул.

Всех нин’витов травинки едят, всех на ноги напавших нин’витов едят. Потом вылечился, прекратил ногами болеть. С каждым пробуждением все лучше. Выздоровел».[12]

В образе ртов, находящихся на травинках, передается благотворное действие морской травы, которая употребляется для лечения.

На осеннем празднике проводов морского зверя тоже употребляется морская трава. Эту же траву употребляют во время обряда, со-

---

[11] Ibid. P.63.

[12] Ibid. P.64.

вершаемого по поводу первой добычи зверя, например медведя, кем-нибудь из молодых охотников.

С медведя снимают шкуру вместе с головой и голову обкладывают морской травой, пучки морской травы вставляют ему в ноздри, в уши, в рот медвежьей головы. Морская трава вообще играет весьма значительную роль в шаманстве.

Мне лично удалось записать только три заклинания, все от того же шамана Онтава.

Когда после 8-дневного путешествия из Теличиков в Кичигу в декабре 1927 года мы, наконец, приехали на место, нам отвели небольшую каморку в землянке председателя сельсовета.

Тут же, сразу после чаю, Онтав сообщил мне эти заклинания. Он еще в дороге обещал «дать» мне несколько заклинаний.

Прежде чем приступить к передаче заклинаний, он позаботился, чтобы никого не было ни в комнате, ни возле нее.

Между прочим, В.И. Иохельсон также упоминает, что женщины, продиктовавшие ему заклинания, перед тем как начать диктовку, выгнали из помещения всех присутствовавших, кроме его самого и переводчика.

Онтав сообщил мне заклинание против головной боли, заговор крови при порезе и «приворожку», т.е. заклинание, которое служит для того, чтобы внушить любовь девушке или юноше.

В заклинаниях пенжинских коряков главное действующее лицо — Ворон Куткинияку — назывался Создателем. В заклинаниях, которые сообщил Онтав, тот же Ворон зовется Стариком.

Начну с *заклинания против головной боли*.

«—“Старик, что тебя одолело?” — “Сыну плохо, умрет, быть может”.

Тогда Старик в *рымэтыгаргынон* («потусторонний мир») проник, солнечного проникновения дальше. Там достиг окиси меди.

“Для чего употребляют?” — “Меня же при излечении головной боли употребляют”.

Старик взял, домой принес, на голову положил. Завтра утром встал — совсем выздоровел».

Простая, короткая формула этого заклинания, так же как и заклинания, записанного В.И. Иохельсоном, посредством последовательного ряда образов дает описание процесса лечения головной боли с помощью окиси меди, прикладываемой к голове.

Заговор крови несколько более пространен.

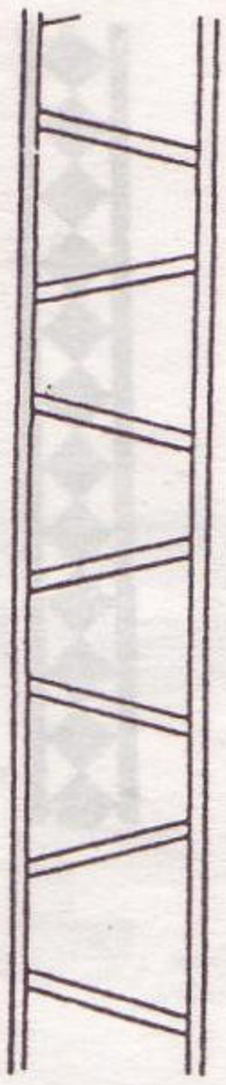
«“Старик, что тебя одолело?” — “Разрез”.

Старик в *рымэтыгаргынон* проник. Там достиг железной шаманской головы на колу.

“Для чего употребляют?” — “При кровоточащем разрезе.

Ее домой возьми, на рану положи, при кровотечении употреби — не нарвет”.

Опять на рассвете (на стороне рассвета) достиг мохнатого старика.

“На что употребляют?” — “При кровоточащем разрезе”.

При том мясное варево готовит. Взял его.

“Ну, домой отправлюсь”.

На рану положил, не опухает, не гноится, не саднит (не зудит, не чешется). Не нарвет.

К морскому народу пошел. Там шкурку новорожденного лахтака нашел. Взял, домой принес, на рану положил, рана затянулась, кожей покрылась со всех сторон. Назавтра встал — вылечен».

В этом заклинании Старик, т.е. Ворон-Куткынняку, совершает три путешествия: в потусторонний мир (буквально — в «запредельную вселенную»), к стороне рассвета и к морскому народу.

Железная голова, помогающая остановить кровотечение, является образом, близким «Передней голове» или «Задней голове» чукотских заклинаний. Ср. у В.Г. Богораза «Заговор»: «Болен я, от правой стороны рассвета прошу: “Помоги мне, духов бытием посмотри на меня!”... У Передней головы я прошу: “Помоги мне, духов бытием посмотри на меня!” Передняя голова говорит: “У Задней головы попроси! У твоего жилища у правого угла светлая женщина, времен начала творения старушка, у нее заговор попроси!” Посетил. “Ты зачем пришел?” — “Болен я, духов бытием посмотри на меня!” — “Пожалуй, попробую!” Травку дала, железную птицу, железного копчика. Обтерся травкой, болезнь извлек, стаей куропаток сделал, железным копчиком она должна быть убита и съедена».[13]

К этому заговору В.Г. Богораз делает такое примечание: «“Передняя голова” — звезда Арктур; “Задняя голова” — звезда Вега. Обе звезды считаются братьями и называются вождями звезд».[14]

Варка мяса, производимая «мохнатым стариком» стороны рассвета, очевидно, символизирует процесс образования новых тканей на месте раны, процесс затягивания раны.

Шкурка новорожденного лахтака символизирует появление свежей молодой кожи на затянувшейся ране и волосяного покрова (последнее подкрепляется образом мохнатого старика).

Третье заклинание, записанное мною от Онтава, я не решаюсь привести: оно слишком изобилует образами и терминами, употребляемыми лишь в узкоспециальных сочинениях на физиологические темы. Надо отметить, однако, что такие образы и соответствующая им терминология переполняют не только корякские заклинания, но также и большую часть корякских сказок.

Сообщив приведенные заклинания, Онтав заявил, что знает еще очень много разных других заклинаний — «...если бы захотел, мог бы говорить целую ночь».

---

[13] См.-ср.: *Богораз В.Г.* Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900. С.137—138.

[14] Там же.

Но заклинания нельзя повторять часто, а главное — нельзя говорить их без цели, понапрасну — «...не то будет худо».

Онтав сказал: «Ты записал, когда нужно будет... — скажи, но зря не повторяй, а то тебе будет худо».

Затем он взял у меня монету, подержал ее и отдал мне обратно, указав, что ни в коем случае за произнесение заклинания и вообще за лечение нельзя брать плату, иначе болезнь перейдет на самого лечащего.

Далее Онтав сообщил, что есть целый ряд заклинаний для привлечения охотничьей добычи. Так, заклинание для привлечения в капкан лисицы-самца имеет следующее содержание.

Ворон Куткынняку ставит у капкана половой орган своей старшей дочери, благодаря чему капкан оказывается неудержимой приманкой для лисиц-самцов.

Онтав обещал во время следующего приезда в Кичигу сообщить еще несколько заклинаний. Но мне так и не пришлось с ним встретиться: он был одним из наиболее известных и опытных каюров, но к сожалению, в ту зиму все следующие поездки его совершались только в северную часть тогдашнего Карагинского района.

В.И. Иохельсон утверждает, что корякские заклинания отличаются от чукотских большей примитивностью, что они не так богаты подробностями и значительно менее сложны.

Судя по имеющимся материалам, это так. Но думаю, что виной этому недостаточность материала и неполнота записей.

В материалах В.Г. Богораза есть очень сложные, богатые подробностями заклинания. Таков, например, «заговор для делания диких оленей домашними» [15] и ряд других заклинаний. Очевидно, В.Г. Богоразу удалось ближе подойти к знающим заклинания и получить от них материал, обычно тщательно скрываемый от непосвященных.

Корякские заклинания интересны с точки зрения разработки вопроса о происхождении и развитии корякского фольклора. Уже те немногие и краткие тексты, которые я имел возможность привести из записей В.И. Иохельсона и частично из своих записей, говорят о целом ряде совпадений или сходств между заклинаниями и сказками.

В дальнейшем мы увидим, что многие эпизоды, встречающиеся в заклинаниях, характерны также для преданий корякского мифологического фольклора. Следует предположить, что чрезвычайно своеобразный, почти не поддающийся объяснению корякский мифологический фольклор развился на основе заклинаний.

У коряков до самого последнего времени к сказкам, по крайней мере к некоторой категории сказок, существовало отношение как к чему-то имеющему магическую силу.

---

[15] Там же. Текст № 1. С.2.

В отношении чукчей В.Г. Богораз отмечал, что ряд их сказок является не просто сказками, а служит в то же время заклинаниями, например против пурги, ветра, непогоды, шторма на море и т.п.

У коряков мне постоянно приходилось сталкиваться с тем, что кто-нибудь из них не хотел рассказать сказку по той причине, что, если бы он рассказал, то сам забыл бы ее или сказка стала бы уже «не его».

Такие сказки несомненно в прошлом были заклинаниями, потом, получив слишком широкое распространение, они тем самым утратили значительную часть своей магической силы. При этом они обогатились подробностями, в них вошли новые эпизоды.

Но и до сих пор многие из них считаются имеющими некоторую магическую силу, впрочем, не столь действенную, как заклинания. В этом плане было бы весьма интересно развернуть исследование корякского мифологического фольклора.

5. Поверья, запреты, приметы, этиологические предания

Поверья, запреты и приметы, в неисчислимом множестве существовавшие у коряков, также служили *оберегами* против нин'витов, так как имели целью, с одной стороны, предупредить, а с другой — разгадать козни, которые неустанно строятся нин'витами против людей.

На каждом шагу коряк сталкивался с запретом, вспоминал поверие, видел примету. Из числа запретов и примет можно привести следующие.

При изготовлении ольховой краски женщине запрещаются сношения с мужем.

Во время морского промысла нельзя разводить огонь на очаге: промысел будет неудачен.

Нельзя оставлять на лето петлю, поставленную в тундре на зайца или куропатку: умрет кто-нибудь из сородичей. Петля, оставленная настороженной, очевидно, символизирует либо рот нин'вита, готовый поглотить человека, либо открытый рот мертвеца.

При сборе ягод нельзя идти навстречу друг другу: нападет медведь.

Если происходит подергивание мускула на руке, это значит, что в капкан попадет зверь, придется свежевать его ножом.

Если подергивание происходит у глаза, то убьешь добычу из ружья.

Если подергивание происходит около рта, позовут в гости и будешь вкусно есть.

Запрещается разговор и смех во время еды. Если нарушить этот запрет, может напасть *иняррувимчав-нин'вит* — нин'вит падучей

болезни (алютор. диалект). Став его жертвой, человек моментально падает мертвым.

Колотье в боку происходит от того, что был нарушен запрет, согласно которому нельзя макать в жир кусок мяса на кончике ножа. Кто нарушает этот запрет, у того во время бега, особенно если ему придется спасаться от зверя, может возникнуть колотье в боку, которое не даст ему возможности убежать.

Алюторцы утверждали, что у чавчувенов запрещается сидеть на проходе в ярангу, так как они считают, что это путь нин'витов и мертвецов.

Целый ряд запретов и примет связан с огнем

В огонь нельзя ни плевать, ни сморкаться. Если плюнуть, то высохнет горло; если высморкаться — высохнет нос.

Если в огонь бросить муху, сгоришь от лихорадки. Наоборот, если в огонь бросить часть тела какого-нибудь зверя, то этот зверь достанется охотнику.

Однажды в Кичиге ко мне зашел тамошний житель Утатта. Я заметил, что он в очень хорошем настроении. Спрашиваю, почему он такой веселый. Оказалось, в одном из своих капканов он нашел палец лисицы. Я удивился: что же в этом хорошего, ведь не лисицу нашел. Он ответил: «Будет и лисица. Ведь я бросил лисий палец в огонь. Теперь лисица моя!».

Много поверий связано с громом.

Громовые люди ездят на каменных лодках. Киты у них заменяют горбуш. Наоборот, рыбу горбушу они не в силах закинуть на балаган-юкольник.

Однажды громовые люди украли человека. Этот человек до сих пор находится на луне. Во время полнолуния его можно видеть.[16]

Северное сияние означает, что умер какой-то великий, очень хороший человек или, по другой версии, — очень сильный шаман.

Множество примет и поверий связано с различными насекомыми, птицами и зверями. Особенно много их существует в отношении мух, несмотря на то что мухи жесточайшим образом портят юколу, висящую на балаганах, они считаются благодетельными существами. Об этом свидетельствует уже упоминавшееся поверье: если бросишь муху в огонь, сам сгоришь от лихорадки.

Убьешь муху — будет шторм.

Один кичигинец сообщил, что убивать мух нельзя, так как они всегда молятся, чтобы было много рыбы. Если бы не было мух, люди бы вымерли, так как исчезла бы вся рыба. Кроме того, люди погибли бы от собственной грязи. Мухи едят испражнения и прочую грязь, они разводят там своих детенышей. Если бы этого не было, люди потонули бы в грязи.

---

[16] *Богораз В.Г. Чукчи. Ч.II. С.23.*

Паук считается насекомым-шаманом. Паука нельзя убивать. Иначе будет ветер, пурга, непогода. Осенью пауки поднимаются на небо, а весной спускаются с неба на паутине. Когда пауки спускаются, бывает тихий, солнечный день. Пауки устраивают тихую погоду, чтобы ветром не порвало паутину, на которой они спускаются.

Комары, наоборот, — вредоносные существа. Они создаются из снега. Весной на снегу появляется черный налет — это и есть будущие комары. (Это поверие очень характерно в том отношении, что комаров летом на Камчатке действительно не меньше, чем снега зимой.)

Распространено предание о камбале.

«Давно камбала была настоящей рыбой. Она с бычком подралась. Бычок-рыба сказал: “Ну, если ты нападешь на меня, сразу кособокой тебя сделаю”.

Камбала сказала: “Ну, попробуй сделать меня кособокой. Может быть, я тебя кособоким сделаю”.

Камбала напала на бычка. Дрались. Потом бычок камбалу придавил, сразу топтать стал. Рот на сторону свернул ей и глаза. Вот по сей день и прозывается камбала (*алпиал*) кособокой».

Кукушка считается вещей птицей. Двойной звук «ха-хок» она издает сначала изо рта, а потом из заднего прохода. Вблизи кукушку не увидишь. Если же случится увидеть кукушку вблизи и при этом она распушит хвост и, как бы смеясь, закричит «ту-туту-ту», — случится несчастье: умрет кто-нибудь из родственников.

Гуси на зиму улетают в *потустороннюю вселенную*. Они пролетают через тесную дыру, которая есть в небе.

Приблизительно то же самое рассказывают о чайках.

«Где-то далеко на небе у чаек есть Старая мать. Она такая большая, что если бы прилетела на землю, то закрыла бы собой солнце и все небо. Каждую зиму чайки улетают к Старой матери. Она спрашивает их: “Как живется на земле? Отчего у вас носы стали черными?”

Чайки отвечают ей, что на земле жить очень плохо. Им приходится есть только маленькие кусочки угля. Если бы они сказали, что на земле жить хорошо, Старая мать прилетела бы на землю и съела бы сразу все ягоды.

Для того чтобы молодые чайки не проговорились ей о земной жизни, взрослые чайки в первую зиму не пускают птенцов-первогодков лететь в потустороннюю вселенную и остаются зимовать с ними на земле».

Чернобурая лиса считается зверем-шаманом. Но самые сильные лисицы-шаманы — это лисицы со светящейся шкурой. Ночью их шерсть светит, как огонь. Чернобурую лису очень трудно добыть, а лисицу со светящейся шкурой совсем невозможно добыть, ее не подстрелить даже из самого меткостреляющего ружья.

О медведе рассказывают, что он слышит все разговоры о нем, происходящие на окрестных стойбищах.

Я уже упоминал, что очень распространена сказка об охотнике, перезимовавшем в медвежьей берлоге вместе с медведем.

Охотнику показалось, что он переночевал с медведем только одну ночь, а когда он вышел, оказалось, что уже прошла зима и настала весна.

В Пенжинском районе ходит множество рассказов о «голодных медведях» (*пилгыкайн'у*, ед.ч. — *пилгыкайн'ын*).

Это медведи, у которых в кишках и в желудке завелись черви. Черви не дают им заснуть с осени. Они выходят и бродят всю зиму. Они влезают в горячие ключи, а когда вылезут оттуда, их шкура обледеневает.

«Голодный медведь» идет, и ледяшки на его шкуре все время позвякивают.

«Голодные медведи» очень злы. Они приходят на стойбища оленеводов и в поселки приморских жителей, бросаются на людей и рвут их.

Весной их шкура постепенно оттаивает, у них вылезает вся шерсть, и они остаются голыми. Тогда они становятся еще более дикими и свирепыми.

Только после того как взойдет трава и они поедят травы *ан'ан*, у них снова отрастает шерсть, и звери становятся нормальными медведями, не слишком опасными для людей.

Рассказывают, что один эвен (ламут) нашел в тундре замерзшего медведя. Он привез его домой. Это оказался «голодный медведь». Ночью он оттаял, согрелся и задрал до смерти охотника и всю его семью.

Существует множество рассказов о зверях-оборотнях. Считается, что волки, медведи, дикие олени, горные бараны могут увести с собою человека. Человек уходит с ними в тундру и живет там, постепенно теряя человеческий облик и превращаясь в соответствующего зверя.

Сначала, изветшав, с него спадает одежда, потом, если он живет с волками, все тело его постепенно начинает покрываться волчьей шерстью. На ногах и на руках вырастают когти, зубы становятся острыми.

Многие коряки утверждали, что им приходилось видеть людей-оборотней, находящихся на первых стадиях превращения в волков. Они ходят совсем голыми, тело их наполовину покрыто шерстью, на ногах уже есть волчьи когти, но они ходят еще по-человечески.

Однажды летом в 1933 году на Корякской культбазе я засиделся за полночь. К моей свече подсел курсант подготовительных курсов окрсовпартшколы Эвйичъын. Он очень тщательно что-то выписывал. Когда я уже потушил свечу и мы стали ложиться спать, невдалеке завыла собака. Эвйичъын сказал мне: «Ты думаешь, это собака воет. Нет, это или волк, или, вернее, волк-оборотень». Он рассказал,

что в районе их кочевья (на реке Омолоне) чавчувен Анин'кавав, проходя однажды по тундре, увидел двух диких оленей. Они увели его с собою. Он прожил среди диких оленей год и вернулся обратно. Другого чавчувена дикие олени увели, когда ему было лет 20—25. Назад он вернулся глубоким стариком. Но чаще люди-оборотни остаются среди зверей и совсем дичают.

Особого внимания заслуживают существующие у коряков предания о вымерших животных — мамонте и морской корове. По всей территории Корякского округа постоянно находят мамонтовые кости и понятно, что эти находки требовали себе объяснения.

Кости мамонта — это кости *н'айкамака* («горный нин'вит», «дух-хозяин гор»). Это существо, благожелательное к человеку. О нем рассказывают следующее. «Каменные торбаза носит. По твердой земле идет — ноги у него по колено погружаются, а если слабая земля, для него как бы крепкая. Если покажется человеку — очень хорошо. Но если сам не захочет показаться, невозможно его увидеть. Только следы его видим, такие же, как человеческие.

Если он пожалеет очень бедного, неудачливого человека, то покажется ему и после этого начинает посылать ему много добычи — диких оленей, медведей, лисиц. И с тех пор тот охотник начинает без труда добывать много зверя».

Н'айкамак охотится за другим камаком, который враждебен человеку. Это — *гытгыкамак* («озерный дух-хозяин»).

Его внешний облик очень напоминает морскую корову, описание которой можно найти, например, у Крашенинникова.[17]

Про гытгыкамака я слышал такой рассказ.

«На одном из озер группа коряков заметила торчащие из-подо льда рога. Коряки стали спиливать эти рога, желая воспользоваться прочной костью для различных поделок. Когда они уже почти совсем спилили рога, озеро подо льдом вдруг забушевало, лед сломался, и все бывшие на льду потонули, осталась только одна женщина, которая рассказала о происшедшем».

Многие озера, сопки, отдельные скалы, рощи в составе своих названий имею определяющую *основу тайн*. Качественная основа тайн означает «запретный», «табуированный». Например, *тайн'ыгытгын* — «запретное озеро», *тайн'ынот* — «запретная земля».

Полуостров Тайгонос, русское наименование которого обычно истолковывается как происходящее от русских слов «тайга» и «нос» (мыс), на самом деле носит название, происходящее от корякского — *тайн'ынот* — «запретная земля».

В запретных землях, на запретных озерах следует употреблять особый язык, так называемые *ёлтываняво* (чавчув. диалект) — «перевернутые слова».

---

[17] *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. 2-е изд. СПб., 1786. Т.I. С.289 и след.

При проезде по полуострову Тайгонос во многих местах нельзя торопиться. Если будешь торопиться, побежишь, погонишь собак, окажется, что бежишь или едешь на одном месте.

Если скажешь: «Давай скорее попьем чаю», — чайник не закипит до вечера.

Останавливаясь в дороге на получасовую чаевку, надо сказать: «Давай остановимся ночевать». Тогда чайник быстро закипит и через полчаса можно будет ехать дальше.

Если скажешь: «Наверно, мясо готово», окажется, что в кипящем котле мясо так и останется сырым, на нем только появится белая пена.

Поблизости от Караги есть озеро, которое носит название Тайн'ыран — «Запретное жилье». На это озеро окрестные корякикарагинцы иногда приезжают ловить рыбу. Во время рыбной ловли они употребляют «перевернутые слова». Рыбу (*ынныын*) называют словом *сюхыр* — «оса».

Красную рыбу, которая на алюторском и карагинском диалектах называется *вирувир*, обозначают словом *алямыт* — «муха».

Голец (*витывит*) обозначается словом *мытанна* — «комар».

Когда надо сказать «варит», «варишь» (*кукэвыткын*), употребляют слово *хитыткын* — «морозит».

Вместо «вскипело» (*итити*) говорят *гахитылин* — «замерзло».

Вместо слова «девушка» (*н'авысхат-пиль*) говорят *пипихалн'ын* — «мышь».

Вместо слова «гусь» (*итуит*) говорят *милгын'ав* — «русская женщина».

Вместо слова «дождь» (*арн'энак*) употребляют слово, означающее «засуху».

Вместо «ясно» (*малатыткын*) говорят *ан'рыка таргыну* — «пасмурная, сырая погода».

Когда вытаскивают невод, полный рыбы, нельзя говорить, что рыбы много, а надо произнести: «*Нахам ыннан сюхра-пиль*». — «Всего только одна маленькая оса!». Если сказать «много рыбы», весь невод сразу опустеет.

Если не соблюдать обычай употреблять «перевернутые слова», никакого промысла на этом озере не будет.

Такое же озеро, называемое Тайн'ыгытгын, есть в верховьях реки Воямполки. Там тоже надо употреблять «перевернутые слова», а главное там нельзя спорить.

29 мая 1933 года от молодого колхозника Воямпольского оленеводческого колхоза Кававгыйн'ына я записал такой рассказ об этом озере.

«Лет двадцать тому назад весной мимо озера кочевало большое стойбище.*

---

* Слово «стойбище» в данном случае означает не поселение, а кочующую группу семей, образующих стоянку-стойбище. — *Примеч. ред.*

Ребятишки делали разрезы на березах и пили березовый сок. Вскоре у одного из них (он выпил соку больше всех) высунулся язык, он стал как нин'вит, начал гоняться за людьми, кусал их.

К вечеру все без исключения члены стойбища умерли. Умер также племянник рассказчика с женой после того, как они однажды летом, проходя по берегу озера Тайн'ыгытгын, остановились отдохнуть в полдень на берегу озера. К вечеру они вернулись домой, едва успели попить чаю и их не стало. На лицах внезапно умерших выступили черные язвы, похожие на следы чьих-то когтистых пальцев. На берегу озера Тайн'ыгытгын находят много человеческих костей, черепов».

Этот же рассказчик сообщил, что в верховьях реки Паланы есть озеро Уммэнгытгын, то самое озеро, на котором были замечены рога гытгыкамака, торчащие из-подо льда. На прибрежных скалах по берегам озера можно видеть непонятные письмена, как будто бы выдавленные пальцами. Рассказчик считал, что письмена сделал какой-нибудь «древний человек» во время голодовки, «когда нечего делать было».

Там же у истоков небольшой речки, выходящей из озера, близ водопада, есть камень *нянхалъын* («пузатый»), высотой с полметра. Этот камень переходит с места на место. Целый год он пропадал. Потом его нашли на правом берегу речки, куда он перешел с левого берега.

Нянхалъын имеет форму сидящего толстого человека. В жертву нянхалъыну убивают оленей, на него вешают бусы. Если бусы некрасивые, нянхалъын отбрасывает их далеко от себя.

Близ западного побережья между поселками Подкагерная и Рекинники есть остров, на котором очень много лахтаков и нерп. Во время промысла на этом острове тоже надо говорить только «перевернутыми словами».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. Сергей Николаевич Стебницкий — исследователь народов Камчатки ... 5

Введение 16

1. Общие сведения о палеоазиатских народах (15). 2. Расселение коряков. Природные условия (18). 3. Корякский национальный округ (28). 4. Подразделения (группы) коряков (32).

Глава первая. **Хозяйство (техника) и экономические отношения коряков-оленеводов** 42

1. Оленье поголовье (42). 2. Общая характеристика корякского оленеводства (43). 3. Годовой хозяйственный цикл оленеводов-чавчувенов (48). 4. Праздник встречи оленьего стада и первого осеннего убоя оленей (53). 5. Зимняя пастьба и кочевка (58). 6. Стойбище и яранга (60). 7. Кочевой караван и езда на оленях (65). 8. Оленеводство алюторцев (68). 9. Социальные группы в среде оленеводов (76). 10. Реконструкция оленеводческого хозяйства (78).

Глава вторая. **Хозяйство и экономические отношения приморских коряков** 82

1. Общая характеристика хозяйства (82). 2. Корякская землянка северотихоокеанского типа (87). 3. Амбар-юкольник (92). 4. Собаководство и езда на собаках (93). 5. Промысел морского зверя (103). 6. Рыболовство (118). 7. Промысел тундрового зверя (127). 8. Подсобные промыслы корякского хозяйства (136). 9. Огородничество и скотоводство (142).

Глава третья. **Вопросы социальной организации коряков** 145

1. Пережитки родовой и племенной организации в общественной жизни коряков (145). 2. Семья и брак у коряков (164).

Глава четвертая. **Верования и фольклор** 182

1. Представления о верховном существе и вредоносных духах нин'витах (182). 2. Калаки — материализованные духи-охранители (187). 3. Шаманство (187). 4. Заклинания (205). 5. Поверья, запреты, приметы, этиологические предания (211). 6. Представления о мироздании (217). 7. Космогонические предания (220). 8. Обряды, связанные с рождением и похоронами (223).

Список иллюстраций 234